Конституционный обычай: признаки и значение

БАРЦИЦ Игорь Нязбеевич, директор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Россия, 119571, г. Москва, просп. Вернадского, 82

E-mail: in.bartsits@igsu.ranepa.ru

Статья посвящена раскрытию смысла и содержания понятия «конституционные обычаи» в теории и практике государственного управления. На основе изучения конкретных примеров конституционных обычаев в ряде государств проанализирована их роль и предназначение в развитии общества, права и культуры.

Цель исследования — сформировать представление о конституционных обычаях и конституционных традициях, их содержании и роли в теории государственного строительства и конституционного процесса на основе анализа научных источников, практики конституционного проектирования и моделирования, текстов конституции и других конституционно-правовых норм.

Использованы методы сравнительного правоведения, классифицированы и интерпретированы исторические данные, правоприменительная практика и благодаря системному подходу синтезированы выводы о значении и роли конституционных обычаев и конституционных традиций в государственном управлении.

Выделены и систематизированы семь признаков конституционного обычая (давность, стабильность конституционного строя и субъектов конституционных отношений, отсутствие судебной защиты, нравственность и моральность конституционного обычая, общепризнанность обязательности, конституционная значимость, вспомогательный (дополняющий) характер), позволяющих рассмотреть данный феномен в контексте, применимом не только в британской правовой модели, но и к конституционным системам других государств, а также отграничить его от таких терминов, как «конституционное соглашение», «конвенционная норма», «конституционное обыкновение», «конституционная привычка».

Выводы: сравнительный анализ конституционных обычаев различных стран, практики их использования позволяет говорить о рассматриваемом термине как о значимой части политической культуры и конституционной традиции, направленной на обеспечение сбалансированного и стабильного функционирования системы государственной власти посредством инструментов морального и политического свойства воздействия (давления) на субъекты конституционно-правовых отношений.

Ключевые слова: конституция, конституционные обычаи, конституционные традиции, признаки конституционного обычая.

Для цитирования: Барциц И. Н. Конституционный обычай: признаки и значение // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 30—47. DOI: 10.12737/jrl.2019.9.3

Constitutional Custom: Signs and Meaning

I. N. BARTSITS, Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow 119571, Russian Federation

E-mail: in.bartsits@igsu.ranepa.ru

The article is devoted to the disclosure of the meaning and content of the concept of "constitutional customs" in the theory and practice of public administration. Based on the study of specific examples

of constitutional customs in a number of states the author analyzes their role and purpose in the development of society, law and culture.

The aim of the study is to form an idea of constitutional customs and constitutional traditions, their content and role in the theory of state building and the constitutional process on the basis of the analysis of scientific sources, the practice of constitutional design and modeling, the texts of the Constitution and other constitutional and legal norms.

Conducting an empirical study, the author uses the methods of comparative law, classifies and interprets historical data, law enforcement practice and, thanks to a systematic approach, synthesizes conclusions about the importance and role of constitutional customs and constitutional traditions in public administration.

Seven signs of a constitutional custom are selected and systematized (long standing, stability of the constitutional system and subjects of constitutional relations, absence of judicial protection, moral and morality of a constitutional custom, general recognition of obligation, constitutional significance, auxiliary (complementary) character)), allowing to consider the phenomenon in context, applicable not only in the British legal model, but also to constitutional systems of other states, as well as to differentiate it from such terms as “constitutional treaty”, “convention norm”, “constitutional habit”, “constitutional usage”.

Conclusions: a comparative analysis of the constitutional customs of different countries, the practice of their use allows us to speak about this term as an important part of the political culture and constitutional tradition aimed at ensuring a balanced and stable functioning of the system of state power through the tools of moral and political properties of influence (pressure) on the subjects of constitutional and legal relations.

Keywords: constitution, constitutional customs, constitutional traditions, signs of constitutional custom.

For citation: Bartsits I. N. Constitutional Custom: Signs and Meaning. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 9, pp. 30—47. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.9.3

Современное государство не может быть понято вне своей конституционной традиции, которая, в свою очередь, не может быть понята вне истории становления и развития государства, без раскрытия особенностей пережитых народом того или иного государства политических режимов, характеристик этнического и религиозного состава населения, его культурных установок и ценностных предпочтений. Конституционная традиция предстает не только в виде нормативно закрепленных правил социальной и политической жизни, но и в иных форматах, среди которых сложившиеся в обществе установки, убеждения, взгляды на то, как должны действовать акторы политической сцены, что является приемлемым и признается справедливым, правильным для этого общества.

Национальный правовой порядок как каркас обеспечения государственной и общественной стабильности с неизбежностью включает в

себя сложившиеся конституционные обычаи, традиции, вбирающие моральные, этические, религиозные установки. Вне учета подобных составляющих нет адекватного анализа политического режима и правовой системы.

Конституционные обычаи рождаются в политико-правовых системах государств, принадлежащих к различным правовым семьям. В одних государствах таких обычаев много, и атмосфера правовой семьи способствует их разнообразию и численности. Законодатели не стремятся и не спешат облечь их в форму нормативного правового акта, более того, активно используют отсутствие подобной закрепленности. В других правовых системах, напротив, воспринимают их скорее как досадные недоразумения, нежелательные сорняки, неведомо каким образом оказавшиеся в правовом поле этого государства, не вписывающиеся в правовые рамки и не входящие в перечень допустимых нор-

мативных регуляторов. Этот подход не предполагает множественности и не способствует активному применению конституционных обычаев в государственном управлении и политической жизни таких стран. Но и он не умаляет яркости и значимости тех из них, которые сумели уклониться от преследования законодателей и сохранить свой неподкрепленный силой писаного права авторитет.

Британский приоритет и практика стран континентального права. Общеизвестен британский приоритет в рождении и применении конституционных обычаев. Поэтому в статье существенное внимание будет уделено британской правовой доктрине, оказавшей огромное воздействие на страны англо-саксонского права. Вероятно, самым известным конституционным обычаем в мире является правило, родившееся в США: никто не может быть избран на должность президента более двух раз. Возникшее как конституционный обычай положение стало нормой права лишь в 1951 г. В то же время обращение к инструментарию конституционных обычаев становится все более распространенным и в континентальной Европе. Как правило, обращение к механизмам конституционных обычаев обусловлено политическими интересами.

Пример «выдуманного» обычая продемонстрировала в ФРГ фракция Христианско-демократического союза Германии (ХДС) и Христианско-социального союза в Баварии (ХСС) в 2004 г., заявив, что «федеральный канцлер должен представлять самую крупную фракцию Бундестага». Со времен Веймарской республики сложился конституционный обычай, что самая крупная по числу депутатов фракция Бундестага представляет кандидатуру на пост председателя Бундестага и рассматривает в силу обычая на поддержку остальных фракций. При этом неважно, является ли эта фракция правящей, т. е. успешно сфор-

мировавшей правящую коалицию, или оппозиционной. Утверждая, что ХДС и ХСС являются, по сути, единой партией, представители этой коалиции практически бессменно занимали пост председателя Бундестага (исключениями стали два периода председательства Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в 1972—1976 и 1998—2005 гг.).

Несмотря на то что председатель Бундестага получает двойное в сравнении с рядовыми депутатами жалование и обладает рядом процедурных прав, представители СДПГ не ставили вопрос о том, чтобы считать депутатии ХДС и ХСС отдельно, хотя в таком случае у СДПГ было бы значительно больше шансов почаще получать контроль над этим постом.

Вероятно, СДПГ и далее не возражала бы против установившегося конституционного обычая, если бы в сложившейся патовой ситуации по итогам выборов в Бундестаг в 2005 г. (правящая на тот момент СДПГ получила 222 места, а блок ХДС/ХСС — 225) представители ХДС/ХСС не стали апеллировать к якобы сложившемуся конституционному обычаю, согласно которому федеральный канцлер должен представлять самую крупную по численности парламентскую фракцию. В ответ СДПГ предприняла попытку изменить регламент Бундестага, озадачившись ситуацией, когда, по образному выражению представителя СДПГ Л. Штиглера, ХДС и ХСС «играют в довольно странную игру: они выступают то как две самостоятельные партии, а то как одна партия»¹.

В. Шойбле (президент ФРГ с 2017 г.) обвинил СДПГ в «недостатке демократической культуры», а его коллега Ф. Пфлюгер заявил, что действия социал-демократов приобретают черты путча, «СДПГ с по-

¹ URL: <https://www.dw.com/ru/остаться-у-власти-шрёдеру-мешает-регламент-бундестага/a-1718122>.

мощью трюков пытается отменить всеми признанные правила, по которым полвека существует парламентская фракция»². Обращение не к норме права, а ко «всеми признанным правилам» предшествовало декларированию нужной, выгодной ХДС/ХСС традиции — «федеральный канцлер должен представлять самую крупную фракцию Бундестага»³.

Очевидные и легко подтверждаемые контрдоводы СДПГ, что подобного конституционного обычая в ФРГ не было, примеры канцлерства В. Брандта (1969—1974 гг.) и его преемника Г. Шмидта (1974—1982 гг.), которые сформировали коалиционные правительства СДПГ/СвДП (Свободная демократическая партия Германии) при том, что собственно фракция СДПГ в периоды 1969—1972 и 1976—1982 гг. уступала по численности фракции ХДС/ХСС, не были восприняты в свете формирования коалиционного правительства во главе с А. Меркель.

Чешская Республика: «Президент вправе назначать председателя Чешского национального банка и его заместителя единоличным решением».

Конституционный суд Чешской Республики решением от 20 июня 2001 г. отказал в удовлетворении заявления председателя правительства по поводу назначения президентом председателя и заместителя председателя Чешского национального банка без согласования с председателем правительства М. Земаном⁴, обосновав свое решение перечнем доводов и теоретико-правовых аргументов и тем самым признав

сложившееся полномочие президента республики в качестве конституционного обычая, развившегося на основе «ценностного и институционального консенсуса».

Российская Федерация: «Муниципальное образование вправе самостоятельно обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации».

Хотя право муниципальных образований на самостоятельное обращение за разрешением споров в Конституционный Суд не получило закрепления в нормативных правовых актах Российской Федерации, подобные обращения возможны на основе выработанных правовых позиций Конституционного Суда РФ⁵, которые могут и должны применяться в правоприменительной практике на правах конституционных обычаев. Именно «судебно-прецедентная природа решений Конституционного Суда в совокупности со свойством общеобязательности придает правовым позициям качество нормативности» — эту выведенную Т. Я. Хабриевой и Н. С. Волковой⁶ обусловленность можно считать классической для современного российского права⁷.

⁵ См. постановление КС РФ от 2 апреля 2002 г. № 7-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе».

⁶ См.: Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. М., 2005. С. 50.

⁷ См., например: Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 4—6; Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного

² URL: <https://www.dw.com/ru/остаться-у-власти-шрёдеру-мешает-регламент-бундестага/a-1718122>.

³ Там же.

⁴ Конституция Чешской Республики не предусматривает среди полномочий президента права назначения на должность председателя и заместителя Чешского национального банка.

Китайская Народная Республика: «Исключение из текста Конституции КНР положения, согласно которому председатель и заместитель председателя КНР могли занимать должность не более двух сроков подряд».

В 2018 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) предложил внести в текст Конституции КНР 1982 г. около 20 поправок, одна из которых касается изменения сроков полномочий председателя и заместителя председателя КНР. При этом Конституция не содержит упоминания о роли ЦК КПК и не раскрывает его роли в процедуре внесения поправок в свой текст. В действительности все поправки в текст Конституции Китая (а это имело место в 1988, 1993, 1999, 2004 и 2018 гг.) инициировались ЦК КПК, но ни процедура инициирования, ни предшествующие ей этапы подготовки и обсуждения поправок, ни последующие за ней стадии внесения правок в текст проекта, его согласования и опубликования не нашли нормативно-правового закрепления. Такую ситуацию китайские правоведы характеризуют как конституционный обычай, когда изменения Конституции инициируются ЦК КПК и сопровождаются подготовкой им проекта конституционных поправок⁸.

Французская Республика: «Принцип ответственного перед президентом правительства».

Во Франции 1950-х гг. многие конституционные обычаи, по сути, прерогативы президентской власти,

нашли закрепление в Конституции 1958 г. Однако часть из них продолжает существовать в роли конституционных обычаев. Например, правило, обязывающее президента Французской Республики назначить премьер-министром страны лидера или иного представителя победившей на парламентских выборах партии и сформировать из ее членов правительство, не нашло конституционного закрепления ни в Конституции, ни в ином конституционном акте. Но именно этот обычай обусловил использование некомфортного принципа «сосуществования» президента и правительства, принадлежащих к различным политическим силам.

Швейцарская Конфедерация: магическая формула «Zauberformel» (2+2+2+1).

По итогам выборов 17 декабря 1959 г. в Национальный совет (парламент) Швейцарии в Федеральный совет (бундесрат — высший руководящий и исполнительный орган страны (ст. 174 Конституции Швейцарии)) вошли представители ведущих политических партий, три из которых получили наибольшую поддержку избирателей (Социалистическая партия, Свободно-демократическая партия и Христианско-демократическая народная партия получили по два места, а уступившая им по числу голосов Партия крестьян, ремесленников и бюргеров — одно). Система распределения мест «2+2+2+1» обеспечила учет интересов ведущих политических сил, была признана справедливой и вошла в политический обиход в роли «магической формулы», которая не получила письменного закрепления в нормативных и правовых актах Швейцарии.

Ливанская Республика: «Конфессиональный парламентаризм».

Изменения в понимании «справедливого представительства» и последствия подобных подвижек для судеб страны наглядно демонстрирует пример Ливана, где летом

Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 75—85; Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебное право. М., 2007. 510 с.

⁸ См., например: Основы конституционного права / под общ. ред. Чжан Цинфу. Изд-во общественных наук, 1999. С. 121. Цит. по: Третьяков К. Н. Некоторые особенности изменения Конституции Китайской Народной Республики // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 2. С. 3.

1943 г., после переговоров между лидерами шиитской, суннитской и маронитской общин, было заключено неписаное «джентльменское» соглашение, вошедшее в историю как «Национальный пакт», вбирающий в себя принцип «конфессионального парламентаризма», заложившего основу Ливана как многоконфессионального государства.

Механизмы квотирования мест за представителями этноконфессиональных общин применялись при урегулировании в Боснии и Герцеговине. Конституционным обычаем этой сложносоставной страны является необходимость ротации на посту председателя Совета министров республики представителей трех основных общин (боснийской, хорватской и сербской), а также квотирование по два места для каждой общины в составе Конституционного суда республики.

СССР и Федеративная Республика Германия: особенности представительства субъектов федерации в парламентах.

Прослеживается схожесть механизмов закрепления мест в органах законодательной власти, которые применялись в Президиуме Верховного Совета Союза ССР (ВС СССР) и продолжают применять в Бундесрате Федеративной Республики Германия.

Примером конституционного обычая в СССР считалось избрание заместителями председателя Президиума ВС СССР председателей президиумов Верховных советов всех союзных республик. Должность председателя Президиума ВС СССР была учреждена Конституцией СССР 1936 г. и просуществовала до 1988 г. Занимающий ее деятель считался формальным главой советского государства, хотя формально в СССР существовал коллегиальный глава государства.

Президиум ВС СССР являлся высшим органом государственной власти, избирался на первой сессии очередного созыва Верховного Со-

вета из числа депутатов. Согласно Конституции СССР 1977 г. Президиум ВС СССР включал 15 заместителей председателя — по одному от каждой союзной республики. Конституционное законодательство не определяло должностной статус представителей союзных республик, но согласно конституционному обычаю эти места занимались председателями президиумов Верховных советов союзных республик. При этом удавалось избежать ситуации, когда председатель президиума Верховного совета союзной республики мог бы не оказаться депутатом ВС СССР.

При всей жесткости советского позитивизма и неприятии советского государственного права к феномену обычаев (другие отрасли советского, впоследствии российского, права относились к обычаям более благосклонно, приемлемыми считаются обычаи делового оборота, обычаи малочисленных народов Севера, обычаи в морском и международном праве) ряд авторов считали возможным признать обычаи в качестве действительных источников советского государственного права⁹.

Наряду с обычаем вхождения в Президиум ВС СССР от союзных республик именно председателей президиумов их Верховных советов назывались обычаями, регламентировавшие работу совета старейшин в Верховных советах СССР, союзных и автономных республик. Советы старейшин формировались в каждой из палат ВС СССР, но лишь в 1989 г. порядок формирования, статус и полномочия советов старейшин нашли закрепление в Регламенте Съезда

⁹ См.: Авакьян С. А. Государственно-правовые нормы и обычаи: соотношение в регулировании деятельности Советов // Советское государство и право. 1978. № 8. С. 15; Колесников Е. В. Обычай как источник советского государственного права // Правоведение. 1989. № 4. С. 20; Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967. С. 78.

народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР (ст. 62 Регламента). До этого формат работы советов старейшин определялся стоявшими перед ними задачами и предшествующей практикой — конституционными обычаями.

Принципы квотирования регионального представительства используются при формировании Бундесрата ФРГ, Совета Федерации ФС РФ, Сената США и др. При определении размера квоты в ФРГ учитывается численность населения земель. В 1949 г. при принятии Основного закона каждая земля получила гарантии иметь не менее трех представителей, земли с населением более 2 млн жителей — по четыре, а более 6 млн — по пять представителей. В Договоре об объединении 1990 г. был изменен п. 2 ст. 51 Основного закона, тем самым предусматривался четвертый уровень: земли с населением более 7 млн получили право на квоту в шесть представителей. Ежегодно на должность президента Бундесрата избирается один из премьер-министров входящих в ФРГ земель.

Таким образом, каждая земля имеет четкие гарантии, что один раз в 16 лет на протяжении одного года именно ее представитель будет занимать третий в иерархии государственных должностей пост. Это положение не имеет нормативного закрепления и исполняется в силу Кёнигштайнского соглашения 1950 г. Выдвижение на этот пост не зависит от политических и партийных соображений, итогов парламентских выборов, успешного или неудачного формирования правящей коалиции.

Примеры Советского Союза, Российской Федерации, Швейцарии, Ливана и других полиэтнических государств демонстрируют значимость конституционных обычаев и негласных правил для функционирования механизмов консенсусной демократии.

Являются ли все приведенные случаи конституционными обы-

чаями или нет? Каковы основные черты и признаки конституционного обычая?

Для ответов на эти вопросы предстоит раскрыть основные признаки (черты, характеристики) конституционного обычая, его отличие от иных политико-правовых явлений.

Признаки конституционного обычая. Трудно, да и нет необходимости оспаривать британское лидерство в формировании идеологии, логики, философии и практики конституционного обычая. Британская практика конвенционных соглашений отсылает прежде всего к прерогативам короны и процедурам функционирования парламента и кабинета. Из них британская правовая мысль выводит основные признаки конституционного обычая.

В некотором смысле классическим (минимальным) набором признаков принято считать триаду А. Дженнинга, который выделяет три квалифицирующих признака, позволяющих отнести конкретный феномен к категории конституционных соглашений. В своих утверждениях ученый исходит из признания теснейшей взаимосвязи вплоть до нераздельности конституционных обычаев и законодательства. Он убедительно демонстрирует, что в англосаксонской правовой системе вне осознания роли конституционных конвенций нельзя понять систему общего права и прецедентное право. Если стремиться к лаконичности и представить каждый из признаков Дженнинга одним словом, триада выглядит следующим образом: прецедент — обязательность — цель¹⁰.

Прецедентный характер поведения субъектов конституционных отношений предполагает повторяемость. Фактор повторяемости — главный в понимании прецедента — предполагает раскрытие и детальное описание содержания каждого

¹⁰ См.: *Jennings I. The Law and the Constitution*. 5th ed. London, 1959. 354 p.

конституционного обычая. То есть необходимо однозначное понимание, какой именно конституционный субъект в какой конкретно политической ситуации обязан вести себя тем или иным четко определенным образом.

Обязательность предстает в формате категории “*opinio juris sive necessitatis*”, получившей широкое применение в международном праве. Латинская формула определяет как обязательную и соответствующую праву сложившуюся практику при отсутствии непосредственного правового регулирования. Конституционные обычаи накладывают на субъекты конституционного процесса обязательства, природа и характер которых отличаются от иных правовых обязательств.

В данном контексте следует обозначить важный посыл к признанию той или иной практики поведения конституционных (политических) акторов конституционным обычаем: им признается не любая употребляющаяся и описанная модель действий таковых субъектов, а лишь та, которая основывается на обязательном характере. Обязывающий характер включает в себя оценку практики, но не исчерпывается ею, а дополняется конституционным правилом, согласно которому субъекты конституционных отношений обязаны поступать именно таким образом.

Цель как предназначение существования конституционного обычая означает ответ на вопрос, почему именно данная модель поведения субъектов конституционных отношений стала обычаем. Для обычая должна быть причина¹¹.

Безусловно, понимание предназначения, появления и становления конституционного обычая предполагает: а) выяснение исторических причин и условий его рождения; б) рассмотрение вопросов соци-

альной психологии, побуждающих субъектов конституционных отношений следовать конституционному обычаю; в) анализ сочетания ценностной значимости и практической полезности его соблюдения.

В целом для государств с неписаными конституциями значимость конституционной практики трудно переоценить, в противном случае придется утверждать неконституционный характер складывающихся в них политических режимов. Но и в странах англосаксонской правовой системы с написанной конституцией конституционные обычаи весьма значимы.

Соотношение закона и обычая-прецедента, вероятно, самая существенная и существенная дискуссия англосаксонского права. Яркая дискуссия сходства и различия между законом (нормой права) и конституционным обычаем проходит в работах К. Манро, Н. Барбера, Т. Аллана и других ведущих правоведов.

К. Манро видит решающее различие между правом и обычаем (*convention*) в системности права, в то время как совокупность конституционных обычаев системы не образует. Право — сильно формализованная форма, требующая наличия институциональной инфраструктуры, правовой порядок требует существования нормоустанавливающих и правоприменительных органов. Обычаи не обладают указанными чертами, они являются собой «дискретный несвязанный набор» (*discrete unconnected set*). Нет никаких авторитетных свидетельств их существования, никаких правил, определяющих, должны ли политические субъекты считать их обязательными. Нет правил, регулирующих их производство, нет институтов, которые могли бы внести решение в случае их нарушения¹².

¹¹ См.: Jennings I. The Law and the Constitution. P. 136.

¹² См.: Munro C. Laws and Conventions Distinguished // Law Quarterly Review. 1975. Vol. 91. P. 255—256.

Профессор Кембриджского университета Т. Аллан считает обычаи проявлением конституционных принципов, которое обладает «достоинством закона» (the dignity of law), и утверждает, что «в вопросах конституционного значения правовая доктрина и политический принцип неизбежно взаимозависимы и переплетены»¹³.

Профессор Оксфордского университета Н. Барбер хотя и не сводит свои исследования к цели «показать, что законы и конституционные конвенции — одно и то же», все же задается намерением доказать, что «...различия между ними — лишь вопрос степени. Конституционные конвенции и законы — две разновидности социальных норм, которые различаются по степени их формализации. Законы и конституционные конвенции ведут себя аналогичным образом и обладают многими общими качествами»¹⁴. Также следует согласиться с Барбером в его критике утверждения Манро о бессистемности конституционных обычаев. Действительно, «довольно трудно представить себе социальное правило, которое не опирается на другие правила или не взаимодействует с ними»¹⁵.

Подтверждая британское происхождение конституционных обычаев, отметим, что собственно британская модель их формирования и воздействия на конституционные и политические процессы сегодня не является преобладающей. Большинство государств мира обзавелись письменными текстами основных законов, которые содержат императивные нормы конституционного права, достаточно четко регламентирующие поведение действующих на конституционной и

политической сцене акторов. Тем не менее конституционные обычаи нашли свое, пусть и не столь обширное, как в странах с неписаными конституциями, применение. Пространство применения возможностей конституционных обычаев расширяется и в странах, где до недавнего времени предпочитали видеть в конституционном обычае в лучшем случае «средневековую британскую игрушку», в худшем — инородный элемент для своих правовых систем.

Комплектация признаков конституционного обычая различными исследователями в различных правовых школах и различных государствах чрезвычайно варьируется. Представленный ниже перечень семи признаков не является ни исчерпывающим, ни расширенным. Он лишь позволяет рассмотреть данный феномен в контексте, применимом не только в британской правовой модели, но и к конституционным системам других государств.

Признак № 1 — давность конституционного обычая. Термин «обычай» отсылает в прошлое: *usus longaevus* — обычай, освященный давностью. Следует оговориться, что «давность» применительно к характеристике обычая не является термином, это лишь указание продолжительности времени. «Давность» как термин, собственно «давность» — *praescriptio* — характеризует конкретные субъективные права, обычай, таким образом, призван устанавливать объективное право.

Британская судебная практика выработала перечень критериев, которым должен соответствовать обычай, чтобы быть признанным правовым обычаем и, следовательно, рассчитывающим на судебную защиту. Будучи обобщенными в 1765 г. У. Блэкстоном, они вошли в правовой обиход под его именем — «критерии Блэкстона»: древность, непрерывность, разумность, определенность и ясность, нормативность, локаль-

¹³ Allan T. Law, Liberty and Justice. Oxford, 1993. P. 253.

¹⁴ Barber N. W. Laws and Constitutional Conventions // Law Quarterly Review. 2009. Vol. 125. P. 309.

¹⁵ Ibid. P. 302.

ность (территориальная ограниченность действия) и естественность происхождения.

Ряд авторов, в частности М. В. Баглай, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтин, также выделяют такой признак конституционного обычая, как старинность, т. е. существование с незапамятных времен¹⁶.

Применительно к конституционному обычаю, в отличие от правового обычая, признак давности не является существенным. В условиях динамичных изменений государственно-правовой, конституционной жизни современных государств появляются и утверждаются конституционные обычаи, прецедентный характер которых нередко выводится из малочисленных случаев применения, а возраст конституционных обычаев исчисляется зачастую не столетиями, а годами или, в лучшем случае, десятилетиями.

Признак № 2 — стабильность конституционного строя и субъектов конституционных отношений. Чтобы то или иное правило поведения в схожей политической ситуации действующих на политической арене субъектов было идентифицировано в качестве конституционного обычая, необходимо формирование соответствующего политико-правового пространства, которое должно отвечать требованиям стабильности и устойчивости как в предметах правового регулирования, так и субъектах, между которыми складываются подлежащие урегулированию обычаями отношения.

Конституционный обычай всегда регулирует систему взаимоотношений двух или нескольких субъектов конституционных отношений, обращается к субъектам, входящим между собой в политическую коммуникацию. Нет обычая, который бы

обращался лишь к одному субъекту. Это предполагает, что ситуация возникла между этими субъектами конституционно-правовых отношений не впервые, что именно эти субъекты уже оказывались в подобной ситуации и уже имеют опыт успешного разрешения возникающих между ними вопросов. Таким образом, возникает важное требование для признания той или иной модели поведения конституционным обычаем: это должны быть те же самые субъекты конституционно-правовых отношений, что и в предыдущих случаях.

Конституционные обычаи могут складываться лишь при принципиальной неизменности конституционного строя. Это не означает, что исключены любые изменения конституционных норм. Подобная косность маловероятна и опасна. Но по существу конституционный строй, политический режим, модель функционирования государства, характер системы разделения властей должны быть неизменными. В противном случае нельзя говорить о применимости конституционных обычаев, сформировавшихся в ином конституционном пространстве между иными субъектами конституционно-правовых отношений.

Имеющим серьезные основания представляется довод, что конституционные обычаи не могут пережить конституционную модель разделения властей, в которых они были сформированы. Изменения конституционно-правового статуса субъекта конституционных отношений не могут не повлиять на выживание конституционных обычаев, что не отрицает возможности сохранения субъектами политической сцены в новых конституционно-правовых условиях модели поведения, предусмотренной ушедшими конституционными обычаями. Субъекты конституционно-правовых отношений могут по умолчанию принять действовавшие конституционные обычаи и распро-

¹⁶ См., например: Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М. В. Баглай, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М., 2004. 832 с.

странить их действие на будущие отношения в новых политико-правовых условиях.

Таким образом, для сохранения конституционного обычая необходимо соблюдение следующих требований: а) стабильность конституционного строя; б) неизменность субъектов конституционных отношений.

Признак № 3 — отсутствие судебной защиты. Отсутствие судебной защиты и судебного преследования нарушивших неписаные правила субъектов политической и государственной жизни представляется многим исследователям отличительным признаком конституционных обычаев.

Зачастую конституционные конвенции описываются через раскрытие этого признака: «...правила конституционного поведения, которые считаются обязательными теми и для тех, кто действует в конституционном поле, но которые не применяются ни судебными органами, ни председательствующими в палатах парламента»¹⁷; «...соглашения, представления, привычки или практики, которые хотя и могут регулировать поведение различных обладателей суверенной власти... в действительности не являются законами, поскольку они не защищаются судами»¹⁸.

Отличие подходов А. В. Дайси и Э. Фримана можно представить следующим образом: если Фриман ведущую роль в соблюдении обычаев отдает судам с их возможностью поддерживать соблюдение прецедентов, то Дайси на первый план выдвигает политическую этику — набор принципов конституционной практики и традиций. Дайси жестко отрицает судебное принуждение к соблюдению конституционных обычаев на том основании, что при их

несоблюдении не имеет место нарушение закона. В развитие положения об отсутствии судебной защиты конституционных обычаев Дайси приходит к теоретико-правовому выводу о непризнании конституционных обычаев источниками права.

При всей логической стройности данной концепции она представляется излишней хотя бы на том основании, что санкции, меры ответственности за нарушения конституционных обычаев не носят юридического характера. Преимущественно это ответственность политического свойства, и лишь в том случае, если речь идет об ограниченном перечне субъектов подобной ответственности.

Справедливости ради надо признать, что подход Дайси с отрицанием за конституционными обычаями статуса источника права не является единственным. Существует и прямо противоположная доктрина. В частности, Дж. Маршалл вполне доказательно обосновывает иное¹⁹.

Признак № 4 — нравственность, моральность конституционного обычая. Что объединяет подходы Дайси и Фримана, так это морализаторство. Оба автора с настойчивостью, граничащей с назойливостью, рассуждают о «конституционной нравственности» (constitutional morality). Правда, они иначе видят последовательность расположения исходных элементов конституционной нравственности.

По Дайси, политическую часть конституции образуют положения, которые формируют конституционную мораль государства и общества, предназначение которых состоит в том, чтобы на основе повторения и политической традиции придать дискреционным полномочиям обязательный к исполнению характер. При этом нет необходимости в формировании писаной конституции. В этом автору видится большое по-

¹⁷ Marshall G. Constitutional Conventions: The rules and forms of Political Accountability. Oxford, 1993. P. 3.

¹⁸ Dicey A. V. The Law of the Constitution. 10th ed. Oxford, 1959. P. 24.

¹⁹ См.: Marshall G. Op. cit. P. 15.

ложительное значение для конституционно-правовой системы: конституционные нормы и институты могут развиваться сообразно потребностям времени без необходимости внесения изменений в писаное право.

Э. Брэдли и К. Юинг собрали подборку морализаторских характеристик конституционных конвенций²⁰: по Остину, это «позитивная нравственность конституции» (positive morality of constitution)²¹, по Миллю — «неписанные максимы конституции» (unwritten maxims of constitutions)²², по Фриману — «целая система политической нравственности, целый свод правил для государственных деятелей»²³.

Фриман возвел конституционные обычаи в ранг конституционной морали, обосновав их взаимообусловленность: конституционные обычаи создают конституционную мораль, которая, в свою очередь, вырабатывает принципы политической жизни.

Следуя логике Дайси и Фримана, можно прийти к убеждению, что соблюдение конституционного обычая — это всегда нравственно и всегда морально, а его игнорирование — всегда безнравственно и должно порицаться обществом и субъектами политической жизни как поведение в политическом смысле аморальное. Трудно согласиться с подобным обобщением. Это несогласие отрицает безусловность взаимосвязи соблюдения политической нравственности с обязательным соблюдением конституционных обычаев.

²⁰ См.: Bradley A. W., Ewing K. D. Constitutional and Administrative Law. 15th ed. Pearson Education Limited, 2011. P. 20.

²¹ См.: Austin O. The Province of Jurisprudence Determined / ed. by H. L. Hart. London, 1954. P. 259.

²² См.: Mill J. Considerations on representative government. London, 1861. Ch. 5.

²³ Freeman E. A. The growth of the English constitution from the earliest times. 2nd ed. London, 1872. P. 109.

Многие исследователи и в современных условиях предпочитают позицию совмещения конституционных обычаев и правил политической морали, видя в этом вполне практичное удобство. Например, Дж. Маршалл, один из ведущих британских конституционалистов конца XX в., видит полезность соблюдения конституционных обычаев и в том, что в случае, когда действия субъектов политических отношений войдут в противоречие с нормами права, можно морально оправдаться ссылкой на конституционный обычай²⁴.

В совокупности конституционные обычаи создают систему политической морали общества, формируют модель деятельности институтов власти в соответствии с правовой доктриной и правовыми ценностями. Посредством конституционных обычаев принципы конституционной жизни реализуются в государственно-правовой практике.

Признак № 5 — *общепризнанность обязательности (opinio juris sive necessitates)*. Следование принципу “*opinio juris sive necessitates*” («мнение о праве или необходимости») является необходимым для признания некой традиции конституционным обычаем. Как акторы конституционно-правовых отношений, так и иные субъекты должны быть убеждены, что именно данная модель поведения является обязательной, что она подкреплена не только традицией, но и убежденностью в ее безальтернативности, в юридической обязательности. Безусловно, подобная убежденность носит субъективный характер, характеризует отношение к данной модели поведения конкретных политических субъектов. Что же придает ей объективный характер? Конституционная практика. Причем в отличие от международного права, в котором чрезвычайно трудно опре-

²⁴ См.: Marshall G. Op. cit. P. 214—215.

делить, признает ли то или иное государство сложившуюся международную практику в качестве источника права, в конституционном праве это признание наглядно: оно выражается в прецедентах.

Формирование конституционных обычаев на основе прецедентов предполагает согласие субъектов политического процесса в его разумности. Речь идет о «готовности к проигрышу» (willingness to lose), предполагающей, что как явные приобретатели от реализации конституционного обычая, так и те субъекты, которые претерпевают негативные последствия от его применения, согласны с его разумностью и правильностью. Это согласие основывается на понимании, что в следующий раз, когда стороны «приобретателей» и «лишенцев» поменяются местами, другая сторона также безмолвно согласится с применением этого же конституционного обычая. Именно такое согласие порождает партнерство различных политических сил при всей яростности взаимной критики по конкретным вопросам государственного управления, международных отношений, регулирования экономики и финансов и т. п. Обязательность конституционных обычаев вселяет уверенность в субъектах конституционного процесса во взаимовыгодности следования общим правилам и моделям политического поведения.

Признак № 6 — конституционная значимость. Этот признак не является общепризнанным среди исследователей конституционной теории и практики действий политических акторов. Содержательную важность конкретного случая как основание для его перерастания в правило, в прецедент вывел еще Дженнингс, хотя и не придал этому признаку квалифицирующего значения. По Дженнингсу, «долгая серия необоснованных прецедентов не создает правила», хотя иногда достаточно одного случая, чтобы создать

правило, прецедент. Прецедентная перспектива определяется не формальными, а содержательными причинами, конституционным значением того или иного случая²⁵.

Так, Г. Тейлор, повторяя триаду Дженнингса, предъявляет дополнительное требование: рассматриваемая в качестве претендента на роль конституционного обычая модель поведения должна выводиться из конституционной практики, обладать важностью для конституционной системы²⁶.

Именно конституционная значимость, пусть в каком-то конкретном и весьма частном случае, позволяет отнести то или иное правило поведения не только к конституционным обычаям, но даже к конституционным обыкновениям (привычкам).

Конституционная значимость правила определяется не глобальностью воздействия, массовостью или иными оценочными категориями, а конституционным характером отношений, которые получают свое регулирование этим правилом.

«Конституционная значимость» не является оценочной категорией: рассуждения в этом контексте не ведутся по аналогии «крупное — маленькое», «важное — малозначительное», «актуальное — устаревшее» и т. п. Конституционная значимость как содержательная категория обращает внимание на то, что под регулирующее воздействие правила попали взаимоотношения субъектов конституционного права, направленные на урегулирование конституционно-правовых отношений.

Признак № 7 — вспомогательный (дополняющий) характер. «Какой обычай может иметь место в писаной правовой системе, в государ-

²⁵ См.: *Jennings I. Cabinet government*. 3rd ed. Cambridge, 1959. P. 6.

²⁶ См.: *Taylor G. Convention by konsensus: Constitutional conventions in Germany* // *International Journal of Constitutional Law*. 2014. Vol. 12. Iss. 2. P. 323.

стве, которое хочет быть правовым государством. Обычай может иметь значение только дополнительное. Он не должен противоречить писаному праву, но он может его уточнять. Позвольте мне привести несколько сумасшедший пример: давайте представим, что законодатель издаст закон о том, что все женщины могут носить только красные платья. Но что это значит — красное платье? — начнут спрашивать женщины. А оранжевое? Фиолетовое? Светло-фиолетовое? Со временем может сложиться обычай, что карминовые и бордовые красные платья разрешены, но ярко-оранжевые или розовые — уже нет. Но не может сложиться обычай, разрешающий голубое платье или запрещающий кроваво-красное платье, это было бы уже далеко за границей закона»²⁷, — утверждает П. Газенкопф, чешский правовед, советник президента В. Клауса, размышляя о соотношении конституционных обычаев и писаного права. Безусловно, значение конституционного обычая в странах европейской континентальной правовой системы и конституционные обычаи англосаксонского права различаются. Но вспомогательная роль конституционных обычаев очевидна даже в странах англосаксонской правовой системы. Конституционный обычай выполняет функцию компенсации неурегулированности правом различных политических вопросов. Можно утверждать, что они, как некая консистенция, мягко заполняют пробелы и перерывы в правовой материи. Они компенсируют нечеткость конституционных норм и выполняют важную стабилизирующую функцию. Там, где нет четкого правового регулирования, конституционные обычаи создают правило взаимодействия субъектов конституционного и политического процессов.

²⁷ Hazenkopf P. Volání po obyčejí, který u nás nemá tradici // Lidové noviny. 2013. July 13.

Значение конституционного обычая. Рассмотрение квалифицирующих признаков позволяет определить *конституционный обычай* как непредусмотренное законодательством обязательное правило поведения субъектов конституционно-правовых отношений в типичных конституционных ситуациях.

Такие правила поведения формируются в ходе деятельности органов государственной власти, иных субъектов конституционного процесса. Они определяют модель должного поведения в процессах, имеющих конституционно-правовой характер. Эти процессы непосредственно связаны с политическими вопросами, определяют процедуры принятия и реализации политических решений. Следовательно, правильным представляется подход, утверждающий возможность признания конституционных обычаев источниками права, пусть и неписаными.

Конституционные обычаи не пользуются судебной защитой и их соблюдение не обеспечивается силой государственного принуждения. Но это утверждение не означает, что конституционные обычаи принципиально не подлежат конституционному контролю и толкованию. Исключать подобной возможности нельзя. Особенно если учесть понимание, что именно решения органов конституционного правосудия и прежде всего их правовые позиции могут существенно пополнить копилку конституционных обычаев.

Конституционный обычай возлагает на стороны конституционно-правовых отношений права и ограничения (обязанности) внеправового характера. Предназначение конституционных обычаев — обеспечить сбалансированное и стабильное функционирование системы государственной власти посредством инструментов морального и политического свойства воздействия (давления) на субъектов конституционно-правовых отношений.

Отсутствие нормативного закрепления позволяет системе приспосабливаться к социально-экономическим изменениям без изменения законодательства. При этом предусмотренное конституционным обычаем правило поведения зачастую значительно выигрывает в контексте определенности и четкости у абстрактных норм конституционных актов.

Действительно, при разработке конституционных норм законодатель, отдавая себе отчет, что эта норма должна действовать неограниченное количество раз в отношении неопределенного количества субъектов, старается сформулировать ее как можно более абстрактно, употребляя общие понятия, которые нуждаются в специальном толковании. Прерогатива такого толкования отводится конституционным судам. Последние, в свою очередь, нередко чрезвычайно волюнтаристски трактуют те недосказанности, которые были оставлены законодателем.

Вопрос санкций за нарушение конституционного обычая определяется исходным пониманием, что, не являясь ни нормой права, ни вообще писаным (!) источником права, он не может пользоваться судебной защитой, вверяя себя политической этике и надеясь на политическое давление на нарушившего его субъекта. Но взаимосвязанность конституционных обычаев и писаного права, сложившаяся за десятилетия и столетия практики их сочетания, обуславливает понимание, что нарушение конституционного обычая в редком случае не обусловит нарушения связанных с ней норм права.

Ответственность за нарушения требований конституционных обычаев отличается от ответственности за нарушения правовых норм. Воздействие на нарушившего конституционный обычай субъект осуществляется со стороны других субъектов государственно-правовой жизни, со стороны общественности (институтов гражданского общества и обще-

ственного мнения), но никак не со стороны систем правоохранительных или судебных органов.

Если ответственность за нарушение правовых норм состоит в претерпевании мер государственного принуждения, то ответственность за несоблюдение требований конституционных обычаев выражается в отставке и прекращении исполнения государственных или политических функций. Если спор о соблюдении или несоблюдении правовых норм завершается судебным решением, то спор о несоблюдении конституционных обычаев разрешается политическим сословием и общественным мнением.

Значение конституционных обычаев состоит и в трансляции в современность политических установок и принципов прошлого, и в отражении в политической практике того, что можно назвать конституционными ценностями. К немного высокопарному, но исключительно точному выводу пришел Верховный суд Канады: «Основная цель конвенций — сделать так, чтобы правовая база конституции применялась в соответствии с преобладающими конституционными ценностями своего времени»²⁸.

Следование ценностям сочетается с экспериментальной свободой, которую представляют конституционные обычаи для политической жизни. В условиях трансформации общественных укладов это свойство конституционных обычаев чрезвычайно привлекательно. Отсутствие однозначно закрепленной модели поведения в новой сфере политической жизни общества позволяет субъектам конституционных отношений провести социальные эксперименты, в ходе которых выработать оптимальную модель — сформировать новый конституционный обычай. Но, как обычно и бывает, новые

²⁸ Reference re: Amendment to the Constitution of Canada (1982). Цит по: Bradley A. W., Ewing K. D. Op. cit. P. 24—25.

возможности и преимущества порождают новые вызовы и опасности.

Традиции и обычаи — это не только то, что современное поколение призвано передать от предшественников преемникам. Традиции и обычаи — это и то, что формируется сегодня. Процесс формирования обычаев непрерывен. Вопреки ожиданиям можно прогнозировать увеличение доли и роли обычаев среди инструментов регулирования социально-экономической и политической жизни.

Та модель воздействия, которая отводится конституционным соглашениям (конституционным обычаям) в странах англосаксонской правовой системы, расширяет свое применение в других отраслях права, прежде всего в корпоративном праве. Политическая страта, применяющая конституционные обычаи, — это тоже некое корпоративное объединение лиц, соблюдающих неписаные и нередко даже не описанные правила поведения. Эта же корпорация жестоко наказывает, вплоть до исключения из своего состава, тех, кто оступился по той или иной причине.

Крайне интересен процесс формирования политических обычаев транснациональных элит интеграционных объединений. Феномен всех и всяческих «клубов» из лиц, которые во все большей степени отрываются от стран, которые они изначально представляли, наглядно демонстри-

рует разработку некоей особой корпоративной политической культуры. Этот процесс в той или иной степени характерен и для бюрократии многих международных организаций и приобретает особую актуальность в рамках глобализации. Несмотря на трудности перевода корпоративных обычаев в российское бизнес-сообщество, надежды на провал глобализационного проекта в его соросовском²⁹ понимании не отвергают задач формирования неких обычаев — стандартов политической культуры представителей политических элит ведущих государств мира. Инструментарий, механизмы применения и философия конституционных обычаев имеют значительную перспективу в будущем.

Является ли все то, что общество находит в конституционных традициях и конституционных обычаях, правдой? Вряд ли. Вероятнее всего, это — неправда. Что ж, в таком случае спасительной является убежденность итальянской поговорки «*Se non è vero, è ben trovato*» — «Если это и не правда, то хорошо придумано»³⁰.

²⁹ См., например: Сорос Дж. Тезисы о глобализации // Вестник Европы. 2001. № 2; Сорос Дж. О глобализации. М., 2004.

³⁰ В литературе впервые встречается в сочинении А. Ф. Дони «*I Mondi*» («Миры», 1552—1553 гг.), затем в труде Дж. Бруно «*Gli eroici furori*» («Геройский дух». Париж, 1585 г.).

Библиографический список

- Allan T. Law, Liberty and Justice. Oxford, 1993.
 Austin O. The Province of Jurisprudence Determined / ed. by H. L. Hart. London, 1954.
 Barber N. W. Laws and Constitutional Conventions // Law Quarterly Review. 2009. Vol. 125.
 Bradley A. W., Ewing K. D. Constitutional and Administrative Law. 15th ed. Pearson Education Limited, 2011.
 Dicey A. V. The Law of the Constitution. 10th ed. Oxford, 1959.
 Freeman E. A. The growth of the English constitution from the earliest times. 2nd ed. London, 1872.
 Hazenkopf P. Volání po obyčejí, který u nás nemá tradici // Lidové noviny. 2013. July 13.
 Jennings I. The Law and the Constitution. 5th ed. London, 1959. 354 p.
 Jennings I. Cabinet government. 3rd ed. Cambridge, 1959.
 Marshall G. Constitutional Conventions: The rules and forms of Political Accountability. Oxford, 1993.

- Mill J. Considerations on representative government. London, 1861. Ch. 5.
- Munro C. Laws and Conventions Distinguished // *Law Quarterly Review*. London, 1975. Vol. 91.
- Taylor G. Convention by konsensus: Constitutional conventions in Germany // *International Journal of Constitutional Law*. 2014. Vol. 12. Iss. 2.
- Авакьян С. А. Государственно-правовые нормы и обычаи: соотношение в регулировании деятельности Советов // *Советское государство и право*. 1978. № 8.
- Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // *Журнал российского права*. 2007. № 4.
- Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. М., 2005.
- Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2004. № 12.
- Колесников Е. В. Обычай как источник советского государственного права // *Правоведение*. 1989. № 4.
- Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М., 2004. 832 с.
- Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. М., 2007. 510 с.
- Основы конституционного права / под общ. ред. Чжан Цинфу. Изд-во общественных наук, 1999.
- Сорос Дж. О глобализации. М., 2004.
- Сорос Дж. Тезисы о глобализации // *Вестник Европы*. 2001. № 2.
- Третьяков К. Н. Некоторые особенности изменения Конституции Китайской Народной Республики // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 2.
- Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967.

References

- Allan T. Law, Liberty and Justice. Oxford, 1993.
- Austin O. The Province of Jurisprudence Determined. Ed. by H. L. Hart. London, 1954.
- Avakyan S. A. Gosudarstvenno-pravovye normy i obychai: sootnoshenie v regulirovanii deyatel'nosti Sovetov. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1978, no. 8.
- Barber N. W. Laws and Constitutional Conventions. *Law Quarterly Review*, 2009, vol. 125.
- Bondar N. S. Normative-doctrinal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as sources of law. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2007, no. 4, pp. 75—85. (In Russ.)
- Bradley A. W., Ewing K. D. Constitutional and Administrative Law. 15th ed. Pearson Education Limited, 2011.
- Dicey A. V. The Law of the Constitution. 10th ed. Oxford, 1959.
- Farber I. Ye., Rzhnevskiy V. A. Voprosy teorii sovetskogo konstitutsionnogo prava. Saratov, 1967.
- Freeman E. A. The growth of the English constitution from the earliest times. 2nd ed. London, 1872.
- Hazenkopf P. Volání po obyčejí, který u nás nemá tradici. *Lidové noviny*, 2013, July 13.
- Jennings I. Cabinet government. 3rd ed. Cambridge, 1959.
- Jennings I. The Law and the Constitution. 5th ed. London, 1959. 354 p.
- Kolesnikov Ye. V. Obychay kak istochnik sovetskogo gosudarstvennogo prava. *Pravovedenie*, 1989, no. 4.
- Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran. Ed. by M. V. Baglay, Yu. I. Leybo, L. M. Entin. Moscow, 2004. 832 p.
- Marchenko M. N. Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeyskoe pravo. Moscow, 2007. 510 p.
- Marshall G. Constitutional Conventions: The rules and forms of Political Accountability. Oxford, 1993.
- Mill J. Considerations on representative government. London, 1861. Ch. 5.
- Munro S. Laws and Conventions Distinguished. *Law Quarterly Review*, 1975, vol. 91.

Osnovy konstitutsionnogo prava. Ed. by Chzhan Tsinfu. Izdatelstvo obshchestvennykh nauk, 1999.

Soros Dzh. O globalizatsii. Moscow, 2004.

Soros Dzh. Tezisy o globalizatsii. *Vestnik Evropy*, 2001, no. 2.

Taylor G. Convention by konsensus: Constitutional conventions in Germany. *International Journal of Constitutional Law*, 2014, vol. 12, iss. 2.

Tretyakov K. N. Nekotorye osobennosti izmeneniya Konstitutsii Kitayskoy Narodnoy Respubliki. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2010, no. 2.

Volkova N. S., Khabrieva T. Y. Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i parlament. Moscow, 2005.

Zorkin V. D. Precedent nature of the Constitutional Court of the Russian Federation decisions. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2004, no. 12, pp. 3—9. (In Russ.)